

ГЛАВА 1

— Очень легко любить сто тысяч людей и очень трудно любить одного человека...

Вслед за этой фразой раздался звон, я вздрогнула, обернулась и увидела на полу небольшую кучку осколков.

— Ой, ой, какая обида! — запричитала полная брюнетка, которая только что говорила про любовь. — Вещица мне так понравилась, прямо душа к ней потянулась, хотела ее взять, а Луиза разбила такую красоту.

— Вы желали получить эту вазочку? — уточнил молодой мужчина в строгом темном костюме и белой рубашке. — М-да, вот незадача... Нельзя же вручить вам черепки.

— Сама не понимаю, как это вышло, — начала каяться уронившая вазу стройная блондинка, чей возраст с первого взгляда определить было невозможно.

Я вздохнула. Да и при более внимательном рассмотрении нельзя понять, сколько лет Луизе, госпожа Шкодина выглядит максимум на сорок пять. Но учитывая, что они с Виктором состояли в браке более тридцати лет... Вздохнув, я посмотрела в висевшее на стене между двумя шкапами зеркало. Некоторые женщины ухитряются оставаться красавицами в любое время суток, независимо от обстоятельств. Чего никак не скажешь обо мне. Сейчас восемь утра, и на моей голове прическа, похожая на стог сена, глаза смахивают

на щелки, на лице нет ни пудры, ни тонального крема. В общем, Дашутка а-ля натурель в собственном соку. А теперь взглянем на Луизу, хозяйку этого дома, — безупречная укладка, легкий макияж, идеальный маникюр, одета в красивое платье, на ногах шпильки на высоком каблуке. У меня возникает мысль: либо госпожа Шкодина вскакивает в шесть утра и, забыв позавтракать, начинает прихорашиваться, либо она спит стоя, чтобы не помять роскошные локоны.

— Ой, ой! — продолжала тем временем убиваться толстушка. — Ну как же теперь быть!

— Виктория Ивановна, дом большой, вы сразу не определяйтесь, — принялся утешать ее молодой мужчина в темном костюме, — осмотрите все, а потом принимайте решение.

— Но я хотела взять вазочку, — уперлась брюнетка, — с порога ее увидела и влюбилась.

— Простите меня, — сказала Луиза, — ей-богу, не нарочно ее задела. Не печальтесь, определенно найдете себя нечто более привлекательное.

— Но я хотела, — капризно твердила толстушка, — я хотела...

— Не блажи, — остановил ее крепкий мужчина в джинсах и пуловере, — хватит причитать.

— Вот-вот, потому я и сказала, что очень легко любить сто тысяч людей и очень трудно любить одного человека. Сергей всех вокруг обожает: и коллег, и друзей, и прохожих на улице. А вот свою жену ему любить трудно. Вечно он меня...

Супруг толстушки рявкнул:

— Прекрати базар! Ты не поняла? Можно взять любую вещь. Да, Юрий Петрович?

Молодой человек в темном кивнул:

— Вы правы, Сергей Леонидович.

— Странно, однако, — пробурчал стоявший невдалеке курчавый блондин. — Ваза, по которой убивается Виктория, копеечная...

— Не совсем так, Анатолий Григорьевич, — мягко возразила ему Луиза. — Не подумайте, что я хвастаюсь, но в нашем доме нет копеечных, как вы сказали, предметов. Муж знал толк и в картинах, и в мебели, и в посуде. Фарфоровое изделие, которое я на ваших глазах превратила в прах, было произведено в начале шестнадцатого века на фабрике в Мейсене. Даже боюсь предположить, сколько за эту вазочку можно было выручить на аукционе.

К моему уху наклонился Феликс и шепнул:

— Неправда.

— Это не Мейсен? — так же тихо спросила я у мужа.

— Я плохо разбираюсь в этом, но помню, что фарфоровое производство в Мейсене возникло в тысяча семьсот десятом году. То есть не шестнадцатый, а восемнадцатый век, — уточнил мой профессор.

— В этом особняке столько всего. Хозяйка может и перепутать, — защитила я Луизу. — Наше Ложкино в разы меньше, и дом не забит картинами-статуэтками-посудой, но вот ты можешь сказать, что хранится в маленькой кладовой на первом этаже?

— А там есть чулан? — удивился супруг.

— Да, — вздохнула я, — причем довольно большой. Но убей меня бог, я и сама не назвала бы сейчас хранящиеся в нем предметы. А тут посмотри — места свободного нет. Конечно, Луиза перепутала...

— Все равно странно, — продолжал недоумевать Анатолий Григорьевич. — Пусть ваза дорогущая, хотя я такие на рынке за сто рублей видел. Но вон та кар-

тина над буфетом, это же Рембрандт. Значит, можно и его взять?

Не отвечая на вопрос, Луиза обратилась к мужчине в строгом костюме:

— Юрий Петрович, объясните еще раз гостям условия. А вы, пожалуйста, внимательно выслушайте нашего адвоката, господина Горюнова.

Адвокат оглядел присутствующих и заговорил на манер оратора, привыкшего выступать перед большой аудиторией.

— Уважаемые господа! Вы находитесь в доме Виктора Марковича Шкодина, известного врача, акушера-гинеколога. Будучи в преклонном возрасте, он недавно покинул нас, своих друзей и родственников, и ушел в мир иной. Виктор Маркович был потрясающим специалистом, тысячи женщин, став счастливыми матерями, молились за его здоровье и долголетие. Добрый Господь услышал их слова, поэтому господин Шкодин до конца дней был физически бодрым человеком, он ничем не болел, продолжал работать.

— И чего тогда на тот свет отъехал? — бесцеремонно перебил оратора Анатолий.

Адвокат горестно вздохнул:

— Увы, Виктора Марковича свалил обычный грипп. У него резко поднялась температура, подскочила до сорока, и врач сам себе поставил диагноз, велел купить противовирусный препарат. Начал принимать его, но температура не упала. Луиза никогда не спорила с супругом, или я просто об этом не знаю...

Вдова поправила нитку жемчуга, висевшую на шее, и пояснила:

— Я никогда не затеваю бесполезных разговоров. Лучше уступить, чем настаивать на своем.

— Вот бы у всех баб такая жизненная позиция была, — буркнул Сергей Леонидович. — А то некоторые как заведутся, так и остановиться не могут.

— Вот вам еще одна иллюстрация к моим словам про любовь. Про плитку вспомнил! — поджала губы Виктория Ивановна. — У нас большой дом с участком. На площадке, где машины стоят, и на подъездной аллее к главному входу лежал камень. Но он весь разбился, мы решили его заменить. Сережа хотел положить плитку светло-песочного цвета. Полная глупость! Гости приедут, бутылку вина уронят, хоп — пятно. Да и машины следы от колес оставят, их с такой плитки не отмыть. Поэтому у всего поселка серая, коричневая, бордовая плитка. Думаете, Сергей меня послушал? Нет, конечно. А вот вы, Луиза, как бы поступили?

Хозяйка особняка пожалала плечами.

— Я редко гуляю по саду, и, честно говоря, мне все равно, какого цвета дорожки. Если мужу хочется светлые, почему нет? Не стоит спорить по пустякам, копыя следует ломать из-за принципиальных вопросов. И делать это надо редко, тогда сможешь продавить свое решение. Если же каждый день качать права, муж к жене не прислушается. Да, Юрий, мы с Виктором никогда не ругались, ни при тебе, ни в твое отсутствие.

— Извини, Луиза, я глупо пошутил, — смутился адвокат, — хотел разрядить обстановку, а то словно в суде выступаю.

— Очень легко любить сто тысяч людей и очень трудно любить одного человека, — снова повторила Виктория Ивановна.

Госпожа Шкодина схватилась рукой за консоль, на которой стояли два подсвечника в виде русалок. Я заметила, что пальцы Луизы побелели, и испугалась —

похоже, ей плохо, она еле-еле держится на ногах, чтобы не упасть, уцепилась за мебель. Вдова кажется спокойной, но, возможно, за ее светской улыбкой скрывается настоящее горе, которое она старательно прячет от посторонних.

Боясь, что Луиза вот-вот рухнет в обморок, я подошла к ней. Если вдруг у хозяйки дома подломятся ноги, подхватчу ее.

— Вскоре после кончины Виктора Марковича, согласно оставленному им распоряжению, было вскрыто завещание. Никаких сюрпризов члены семьи от него не ожидали, — продолжал Юрий Петрович. — Виктор с Луизой прожили много лет в любви и согласии, у них есть дочь Нина, зять Кирилл. От первого брака у Шкодина остался сын Антон. Сейчас он счастливо женат на Елене, у них семилетний сын Миша, гордость деда, юный музыкант и полиглот. К слову сказать, Валентина, мать Антона, скончалась, когда сын еще не ходил в школу. Потом Виктор женился на Луизе, и вскоре мальчик стал называть мачеху мамой.

— Я никогда не была ему мачехой, — поправила Юрия вдова.

— Это правда, — кивнул тот, — маленький Тоша сразу ощутил исходящую от тебя материнскую любовь и ласку. У Шкодиных прекрасная спаянная семья, члены которой любят, уважают и ценят друг друга. Я знаю, какие страсти подчас разгораются после вскрытия конверта с завещанием, некоторые люди теряют человеческий облик, узнав, что им не оставили ничего ценного. Но в случае со Шкодиными я не ждал интриг, знал, что с домом, счетами в банках, с движимым и недвижимым имуществом, с клиникой, которой владел Виктор Маркович, проблем не будет. Так

и случилось, наследство было поделено между членами семьи. Но!

Горюнов сделал паузу. Затем продолжил:

— В завещании был весьма удививший меня пункт: Виктории Ивановне Кузнецовой, Анатолию Григорьевичу Плотникову, Дарье Ивановне Васильевой, Ларисе Яковлевне Феоктистовой, Вере Хватовой следует отдать какую-нибудь вещь. Каждому одну. Какую?

На этот вопрос ответила Луиза:

— Любую, по их выбору. Дорогие гости, можете спокойно ходить по нашему дому, рассматривать все, что хотите, и выбрать нечто на память о Викторе Марковиче.

— Подчеркиваю, все, что пожелаете, — подхватил юрист. — Признаюсь, меня, составившего завещание, это распоряжение заинтриговало. Я начал задавать Виктору Марковичу вопросы, но он не пожелал на них ответить. Берите, что вам понравится.

— И бриллиантовое ожерелье хозяйки можно взять? — совершенно серьезно спросила молчавшая до сих пор слегка расплывшаяся дама в туго обтягивающем фигуру ярко-красном трикотажном платье.

— Хороший вопрос, Лариса Яковлевна, — похвалил адвокат. — Кстати, а где ваш муж?

— Мы приехали вчера около полуночи, — затараторила гостья. — Меня утром в девять разбудила горничная и пригласила сюда. Мой муж, наверное, в душ пошел, он долго моется обычно. Не рассказывайте без него ничего. Мы всю дорогу гадали, о каком завещании идет речь.

— Семеро одного не ждут, — воскликнул Анатолий Григорьевич. — Если кто-то любит в ванной по часу

сидеть, то семь футов ему под килем. А мы хотим узнать, что можно взять.

— Вам же объяснили — все, — одернула его Кузнецова.

Сергей Леонидович толкнул жену в бок.

— Молчи. Ты тут не главная.

— Виктория Ивановна права, — сказал адвокат.

— Вот видишь, — обрадовалась толстушка, — умные люди всегда со мной соглашаются.

— Но есть два ограничения, — продолжал Горюнов. — Особняк состоит из центральной части и флигелей, связанных с основным зданием галереями, где висят картины. Их трогать нельзя, они составляют коллекцию, которую Виктор Маркович собирал всю жизнь. Если позволите, я потом расскажу вам ее историю.

— Небось там бешено дорогие полотна, — пробормотал Плотников.

— Разные, — уклончиво ответил Юрий Петрович. — Можете любоваться ими, сколько хотите, но брать домой их нельзя.

— Вот так всегда, — надулась Виктория Ивановна, — что получше, вечно мимо носа пронесут.

— Не расстраивайтесь, — сказала Луиза, — в особняке море картин, если хотите живописную работу получить, то найдете по своему вкусу.

— Поняла теперь, почему не стоило сразу на дурацкую вазочку кидаться? — сказал глава семьи Кузнецовых. — Надо походить, повибирать, подумать.

— С мазней все ясно, — перебил его Анатолий Григорьевич, — но Юрий Петрович сказал о двух ограничениях.

Вместо адвоката заговорила Луиза:

— Мы находимся в библиотеке, которая соединена с кабинетом моего покойного мужа. Здесь множество книг. Но вон в тот шкаф Виктор Маркович не разрешал никому заглядывать, запрещал даже горничным пыль смахивать с полок, сам орудовал метелкой.

— Библиографические редкости? — предположила Лариса Феоктистова. — Первые прижизненные издания Шекспира? Старопечатные тома? Манускрипты?

— Да уж, самое ценное не трогай, — опять надулась Виктория Ивановна.

— Нет, на полках отсутствуют раритеты, — успокоила Кузнецову Луиза. — Обычные книги, просто очень любимые Виктором Марковичем.

— Шкаф красивый, — отметила Лариса Яковлевна. — Мебель брать можно?

— Все, что угодно, в количестве одного экземпляра в руки, кроме картин из коллекции в галереях да книг из личного собрания Шкодина, — терпеливо повторил Горюнов.

Из коридора послышались звонкие удары колокола.

— Завтрак подан, — обрадовалась Луиза. — Прошу вас, господа, пройдемте в столовую.

ГЛАВА 2

— Ни фиги себе интерьерчик! — не сдержал эмоций Анатолий Плотников, когда мы толпой вошли в просторную комнату.

— Дорого, богато, — ехидно заметила Лариса Феоктистова.

— Красиво! — восхитилась Виктория Кузнецова. — А если вдруг занавески понравятся или люстра, ковер, стулья... Тогда как?

Я огляделась по сторонам. Три стены столовой были затянуты голубым шелком, на них висело множество картин в роскошных бронзовых рамах. А вместо четвертой стены было огромное, от потолка до пола окно, с бархатной портьерой глубокого синего цвета. Мебель впечатляла позолотой, резным декором, представляющим античные сцены, золотыми витыми ножками, перламутровыми медальонами, а громадная хрустальная люстра напоминала многоярусный торт на купеческой свадьбе. Единственной вещью, на которой не было ни украшений, ни позолоты, ни всего того, что моя бабушка называла «красота разбушевалась», оказался простой ковер цвета кофе с молоком.

— Да пожалуйста, — спокойно ответила Луиза.

— Юра, ты понятно объяснил? — прощбетала хорошенькая блондинка в больших очках, стоявшая у буфета. — Им можно брать что хотят, кроме папиного собрания картин и книг.

— Да, Ниночка, — улыбнулся адвокат, — все изложил. Знакомьтесь, господа, Нина и Кирилл, дочь и зять хозяйки дома. А слева Антон с Леной, ее сын и невестка.

— Еще здесь Миша, — добавила Елена и погладила сидевшего около нее мальчика по голове. — А вы, значит, друзья Виктора Марковича, о которых никто никогда ранее не слышал? Тени из прошлой жизни?

Произнося последнюю фразу, молодая женщина повернулась и посмотрела мне прямо в глаза.

Я смутилась.

— Думаю, со мной произошла ошибка: я не была знакома с Виктором Марковичем. Приношу соболезнования членам семьи покойного, но жизнь нас с доктором не сводила. Женщин по имени Дарья с от-

чеством Ивановна и фамилией Васильева много. Меня явно с кем-то перепутали.

— У вас есть дети? — спросила Нина.

— Двое, Аркадий и Мария, — ответила я. — Оба взрослые. Сын за границей живет. Маша вместе со мной, она сейчас открывает ветлечебницу.

— Возможно, папа принимал у вас роды, а вы забыли, как звали врача, — предположила дочь Виктора Марковича.

— Нет, — улыбнулась я. — Не хочу в подробностях излагать свою биографию, просто скажу: сын и дочка родились у других женщин, а я их воспитывала.

— Очень благородно, — пробасил Кирилл.

— Рассаживайтесь, господа, — засуетилась Елена. — У нас без церемоний, сами угощайтесь. Чай и кофе в чайниках. Под крышкой омлет, в серебряной кастрюльке геркулесовая каша на воде без сахара.

— Вот гадость, — поморщилась Лариса Феокистова, опускаясь на стул.

— Зато полезно, — улыбнулся мой муж. — Дашутка, тебе овсянки?

— С удовольствием, — кивнула я.

— Интересно посмотреть на человека, который будет с удовольствием лопать несъедобное, — скривилась Виктория Кузнецова. — А я наверну белого хлебушка с маслом, сыром и колбаской.

— Вот поэтому ты вешишь центнер, а Дарья меньше тебя вполювину, — ехидно заметил супруг толстушки.

Глаза Виктории Ивановны наполнились слезами. Мне стало жаль тетку, которая, наверное, уже не раз слышала от доброго муженька комплименты в кавычках по поводу своей фигуры, я решила приободрить ее, поэтому быстро соврала: